

Глеб Иванович Успенский

«Расцеловали!»

Глеб Иванович Успенский
«Расцеловали!»
Серия «Очерки переходного
времени», книга 6

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=666155*

Аннотация

«...Безмолвно, не спеша удалился хозяин, но не спускал с меня повелительного взгляда, такого взгляда, который обязывает к безусловному повиновению.

Этот взгляд, да и вообще вся фигура и физиономия хозяина поразили меня еще при первой встрече с ним, на крыльце его постоянного двора «с номерами», где мне пришлось остановиться в ожидании поезда.

Такие постоянные дворы, с такими «пришлыми» неведомо откуда хозяевами, биографии которых были никому не известны во всем округе, стали быстро возникать во время так называемой «железнодорожной горячки», одновременной постройки множества железнодорожных линий...»

Содержание

1

Конец ознакомительного фрагмента.

4

10

Глеб Иванович Успенский

«Расцеловали!»

1

– Господин! – не особенно церемонно пошатывая меня, едва начинавшего засыпать, за плечо, хриплым, режущим ухо голосом произнес хозяин постоялого двора и заставил меня открыть глаза.

– Запираем-с! – прохрипел он, заслоняя своим гигантским телом свет догоравшей на столе скверного «номера» сальной свечки.

– Как? – в недоумении возразил я спросонья. – Теперь который час?.. Мне ведь на поезд в четыре?

Огромная фигура, омрачавшая благодаря огарку всю комнату мрачною, черною тенью, безмолвствовала. Но я чувствовал, что она вовсе не желает слушать и принимать во внимание моих возражений. Она и ее черная тень как бы напирают на меня с каким-то настойчивым требованием.

– Всего одиннадцать часов!.. Зачем же так рано?

– Запираем-с! – холодно, хрипло и грубо опять отрезала фигура и продолжала безмолвствовать. А я опять еще сильнее почувствовал, что она непременно хочет меня вытеснить из номера, и что никакие резоны с моей стороны не будут ею

даже услышаны.

– Вещи ваши старичок донесет.

– Ну, ступайте! – сказал я с сердцем. – Ступайте, я встану!

Безмолвно, не спеша удалился хозяин, но не спускал с меня повелительного взгляда, такого взгляда, который обязывает к безусловному повиновению.

Этот взгляд, да и вообще вся фигура и физиономия хозяина поразили меня еще при первой встрече с ним, на крыльце его постоянного двора «с номерами», где мне пришлось остановиться в ожидании поезда.

Такие постоянные дворы, с такими «пришлыми» неведомо откуда хозяевами, биографии которых были никому не известны во всем округе, стали быстро возникать во время так называемой «железнодорожной горячки», одновременной постройки множества железнодорожных линий. Возникли они большею частью на совершенно девственных местах, у таких станций железных дорог, которые приходилось строить в местностях, где до этого никогда не было никакого жилья. На самую станцию, в буфет или «на вокзал», обыкновенно пробирался, по протекции, какой-нибудь повар, отпущенный баринном и освобожденный после 19-го февраля. Но селиться на совершенно новых местах, в двадцати – тридцати верстах от первого жилого места, не было охотников из местных жителей: засиделись они у своих лавок в губернских и уездных городах, застоялись у прилавков своих трактирных буфетов и более тосковали о том, что идут новые

времена, чем стремились воспользоваться этою новизною для нового рода наживы. Пионерами таких смелых предприятий, как основание поселка там, где с незапамятных времен стоял дремучий лес, или тянулось стоверстное болото, или разливалось-ходило волнами море песку, – такими пионерами являлись всегда люди пришлые, выдавшие виды, прошедшие огонь и воду, правда, не заботившиеся и не знавшие, что и как должно быть в этих местах в будущем, но отлично и тонко понимавшие все нужды «нового пункта» в настоящем. Бывало, еще и дорога не открыта, еще не достроены станционные постройки, и работа идет по всей линии, да и проселка еще не проложено к станции от ближайших сел, деревень и городов, а уж кто-то откуда-то прибыл, выстроил из теса какой-то шалаш, и «публика», уже рвущаяся к станции по непроездным дорогам, знает, что в шалаше можно получить коньяк, лафит и что за прилавком стоят две «премиленькие штучки», что в шалаше не только продают, но и покупают: и кур покупают у мужиков, и овес, и сено, и все что угодно. В настоящее время на таких, пятнадцать лет тому назад совершенно диких местах, выросли почти целые новые города, отнявшие жизнь у старых торговых и бойких мест и понемногу перетянувшие к себе более или менее смелых молодых коммерсантов. Но начать дело мог только человек не теряющийся, попавши в дремучий лес или в пустыню, человек риска, смелости и почти всегда темной биографии.

Таков, между прочим, был и хозяин постоянного двора.

«Каторжник», – мелькнуло мне, едва я взглянул на эту гигантскую темную фигуру. До необычайности пристальные, проникающие одновременно и в душу и в карман глаза, холодные как лед и как лед остро блестящие, сразу говорят всякому, на кого взглянут, что им надобно знать, за какие именно свойства характера и кармана следует взяться и вообще на чем следует *истощить* наблюдаемого человека. Именно свойство истощить все, что в вас есть подлежащего истощению, вот какой был этот взгляд «каторжника», огромного, железного телосложения верзилы, с лицом изрытым, даже изорванным оспой и запечатленным тюрьмой. Как будто клоки мяса были вырваны оспой вместе с волосами из бороды, из усов и из бровей. Большая, по-арестантски остриженная голова была также изорвана, как бы искусана диким зверем, вырывавшим зубами клочья мяса вместе с волосами. И ко всему этому – хриплый, резкий голос, отрубаящий слова, как тупым топором.

Что-то жуткое чувствовалось от этого «каторжника». Да и во всем его заведении и во всех членах его хозяйства чувствовалось что-то, заставлявшее ощущать себя как бы в разбойничьем притоне. Чем-то острожным веяло от работников и работниц, и какие-то молодые девицы, – присутствовавшие в заведении в значительном количестве в качестве якобы прислуги, – также производили впечатление каких-то наглых, холодных и бесстыжих существ. За досчатыми стенами постоянно слышался тупой и грубый смех этих девиц,

гулявших с конторщиками и приказчиками, дожидавшимися получения или отправки товара. «Ставь, что ль, рыжий!» – слышалась грубая речь девиц. И такое времяпровождение не мешало им исполнять свою должность: придет и «сунет» самовар и пойдет уболагодворять какогo-нибудь рыжего. Словом, место было темное, хотя учреждено было, надо отдать «каторжнику» справедливость, в самое «надлежащее»: время и организовано самым, по тогдашнему времени, практическим способом.

Денег в ту пору в образованном обществе было пока еще много: были деньги у помещиков, даже еще от первых закладных; были деньги огромные у всех сортов железнодорожников; адвокаты тоже рвали куши «с-нову» непомерные. Бумажками всяких сортов и видов было набито еще множество карманов; у иных инженеров «сотенные» торчали даже из задних карманов, вываливались на пол из перчатки, из портсигаров. Все это надо было куда-нибудь девать. В городах пошла оперетка, появились люди, у которых было по четыре жены, количество буфетов возросло до невероятных размеров. Шампанское целыми пирамидами стало появляться в глухих степях, в буфетах станций, сиявших яркими огнями среди темных пустынь, словом, шел еще всеобщий реформенный «пир горой». Пьяных в поездах бывало всегда множество, и пьяный разговор с пьяным хохотом гудел неумолчно по всем устроенным и нестроенным станциям и линиям. «Каторжник» сумел уловить дух времени и

завел свой притон на новом месте. Пять-шесть часов времени, которые приходится ждать поезда адвокату, едущему в город; пять-шесть часов, которые приходится ждать лошадей адвокату, едущему из города; инженер, дожидаящийся телеграммы от управления и от тте X.; помещик, у которого в кармане хороший куш от первой закладной; наконец, толпа разного рода жидовствующим и православным обнюхивателей новых мест, – все это, привлеченное линией железной дороги к новому пункту, обещающему в будущем большое торговое развитие, все это в то время не хотело скучно проводить время даже и в течение каких-нибудь пяти-шести часов; надо выпить, съесть и «провести время». Ели тогда пропасть, беспрестанно, и все по три, по четыре порции, и пили на всех буфетах одновременно и водку, и вино, и пиво, и шампанское. Как только живы оставались, единому богу известно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.